

Татьяна, в дневниках у Георгия Ивановича есть фраза: "Я не хочу признания от потомства". А как же свойственное любому актеру честолюбие?

— Он был честолюбив, а как же! И всегда был уверен, что придет в Москву победителем, — он такой. Долго старался сюда пробиться: поступал и в ГИТИС, и во МХАТ — его не брали. Это только внешне он шалтай-болтай был, а по сути — трудяга, энциклопедия ходячая! Все годы в провинции он так занимался самообразованием, что многим актерам и не снилось. До ночи сидел в библиотеках. Однажды на концерте перед милиционерами сказал: "Я вас боюсь с юности — стоит только форму увидеть. Когда я нигде не работал и возвращался поздно вечером из библиотеки, всегда боялся, что меня остановят и заберут за тунеядство."

— А действительно ли имя Жора не признавал самый близкий друг Буркова — Шукшин?

— Да, не признавал. Кстати, до встречи с Бурковым для меня тоже хуже имени не было. А теперь оно самое любимое. Вот и внук мой — Жора Бурков. А Шукшину имя Жора казалось очень пошлым. Он долго искал другие варианты: и Жорж, и Егор. Помню, мы жили на пароходе на съемках фильма "Они сражались за Родину", и Василий Макарыч как-то вышел радостный и громко произнес: "Джорджоне!". Имя сразу прилипло — все начали звать его так же, но никто не мог повторить шукшинскую интонацию. Да и фамилия Бурков сначала произносилась иначе — Бурков. Это правильное произношение. Но когда он уже снялся в кино, ударение стали ставить попроще: Бурков — как Петров, Иванов.

— Как вы с ним познакомились?

— Я работала в Театре Станиславского и училась на первом курсе Щукинского училища. Коллеги стали поговаривать, что взяли какого-то странного артиста — шепелявого, из провинции, но очень забавного, талантливого. У него действительно был уральский говорок: он ведь на Урале работал — в Перми, в Березниках, в Кемерове. Мы познакомились в начале 1965 года, изучая распределение ролей. В одном спектакле я должна была играть дочь, а Бурков — отца. Смотрю — рядом вроде он стоит. Он очень смешной был! Одежду ему шила мама. У них были невероятно нежные отношения, и Жора считал: раз мама одела его — значит, так и нужно ходить. На нем был фиолетовый пиджак в клетку, под ним — красный свитер в белую точку и суконные брюки. Очки, волосы набок зачесаны, губы эти его. Мы друг на друга посмотрели, я говорю: "Вы Бурков?" А мне: "А вы — Ухарова? Значит, будем вместе играть?" И начались странные, необъяснимые отношения, сначала больше похожие на дружбу. Он был такой наивный! Просто якобинец! По-настоящему верил в коммунистические идеи. Очень много читал, вообще очень глубокий человек был.

— Ваша любовь выросла из дружбы?

— Все произошло быстро, стремительно и очень здорово. Он сказал: "Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж". И я сразу ответила: "Да". До сих пор считаю, что для меня лучшего мужчины не существует. И не потому, что он супермен. Может, он своими стандартами не соответствует образу героя любовника. Но мне всегда казалось, что любовь, секс — все-таки не в теле, а в глазах, в душе. В театре, конечно, посмеялись, многие не понимали моего выбора. Но когда он сыграл свою первую роль — тут все схватились за голову, потому что никто не мог предположить такую степень таланта. И в театре поняли, что пришел удивительный и странный герой.

— Свадьба у вас тоже была удивительная и странная?

— Потрясающая! На мне — мое выпускное платье и рваные туфли, я все время палец прятала. Он тоже не особо пригож был — еле-еле нашли ему рубашку. А еще я пошла в парикмахерскую, и там мне соорудили кошмарную "корзиночку". Возвращаясь, а Жора — другим уже выпили, он немножко навеселе. И вдруг говорит: "Господи, я не пойду с тобой никуда, если не смоешь сейчас же свою прическу!" И я, плача, пошла в ванную мыть голову. В ЗАГСе его еще сильнее развезло — настроение у меня ужасное: как любая женщина, я была расстроена. Когда сказали: "Жених, можете поцеловать невесту!" — Жора стал на меня падать! А он же выше меня намого. Я его поддержала, тетка из ЗАГСа сделала безумные глаза, а он, поняв, что падает, просто схватил меня в охапку. Это я сейчас рассказываю и смеюсь, а тогда мне не до смеха было. Я ведь сбегала с собственной свадьбой!

— Почему и куда?

— Мы приехали домой, он стал очень смешно рассказывать гостям про мою прическу и так далее. Я тогда его хорошо не знала и не понимала, что он ерничал над собой. Его рассказы показались мне жутко обидными. В сердцах скомкала свидетельство о браке — оно до сих пор мятое, — выкинула в ок-

АРХИВ АВТОРА

КАДР ИЗ ФИЛЬМА

но и ушла. Пошла в цирк, после представления иду и думаю: как же я теперь войду? А он открыл дверь и сказал: "О, жена моя вернулась!" Так радостно, будто ничего не было. На следующий день рано утром я пошла на рынок, приготовила ему суп с белыми грибами и так вот двадцать пять лет готовила. Он нигде больше не ел — только дома. В быту был непригоден до безобразия. Однажды я на три дня задержалась на даче — еду ему оставила, разложила по полочкам. Когда вернулась, на столе стояли три маленькие сковородки из-под яичницы.

— А правда, что первый свой спектакль в Театре Станиславского Бурков проспал, тоже на радостях выпив с другом?

— Нет, не совсем так было. Он не проспал, он пришел — но действительно не в форме. Хотя играть мог. Ему влепили выговор, сняли с зарплаты, и потом режиссер Львов-Анохин платил ему из своего кармана сто рублей в месяц: не хотел терять такого актера, как Бурков.

КАДР ИЗ ФИЛЬМА

Георгий Бурков мечтал о Дон Кихоте, Ван Гоге и Гамлете, а играл Робинзона в "Жестоком романсе" или подхалима-секретаря в "Бедном гусаре". "Играть я имею право только роли масштабные и годные для открытий", — писал в своих дневниках. Он был готов к любым горизонтам, но открытия приходилось делать там, где позволяли режиссеры. Они до сих пор живут — его открытия. Даже в самых крохотных эпизодах. Стоит заглянуть в его записи — диву даешься. Невероятные замыслы, мечты, поиски истины. Наивность и мудрость, вместе взятые. И Дон Кихот, и Гамлет жили в его душе.

19 июля 1990 года Буркова не стало. Его именем не назван театр, ему не поют дифирамбы по случаю круглых дат. "Смерть — пропасть. — писал он. — Нам кажется, что смерть у нас впереди. А она — сбоку, она все время с нами, мы идем вдоль нее..." Сейчас уже очевидно, насколько он был одинок в порывах своего сердца. Действительно — Робинзон. Но была в его жизни надежная опора — семья, жена Татьяна Ухарова. Он ласково называл ее Танюшкой. И друг — Василий Макарович. По невероятному стечению обстоятельств памятники на могилах Буркова и Шукшина сделаны из одного куска гранита.

РОБИНЗОН В БЕЛОМ

Татьяна БУРКОВА:
"Я сбегала с нашей свадьбы!"

— То есть вы по-прежнему жили в молодой бедности?

— Не в молодежной, а просто — в бедности. Ему ведь уже тридцать два было. Мои родители не поняли нашего брака: и возрастного сочетания, и вообще — зачем он мне нужен из провинции. Нам пришлось скитаться. Я взяла из театра реквизитный матрас — на нем мы спали. Жора только начинал работать и получал за спектакль рубль пятьдесят. Я пыталась заработать везде где могла. Если не находилось пяти копеек на метро, иногда мы шли до театра пешком от метро "Аэропорт". Рядом с театром была любимая сосисочная, туда приезжал один наш друг и кормил нас сосисками.

— Скажите, а когда начались первые успехи, стали звать в кино.

— Закружилась голова! Я не ожидала, откровенно говоря. Но не от славы закружилась. Он добился того, что его хорошо приняли в театре. Вихрем понеслись предложения ролей. Он попал в

центр внимания, вокруг него все завертелось. А Жора всегда очень любил людей, был необыкновенно добр, к нему тянулись — он мог запросто общаться и с министром, и с рабочим. У нас родилась Маша, Жора работал в первом своем фильме "Зоя", вся группа его обожала. А я его практически не видела. Единственный год такой у нас был. Потом мы почти не расставались. А тогда все это в одночасье на него обрушилось, и даже он — с его мозгами, с его понятиями — не мог сразу поверить, что теперь это — его жизнь. Помню смешную историю: у Сережи Соловьева он снимался в картине "Предложение" вместе с Анатолием Папановым и Катей Васильевой. Отличная компания — все молодые, веселые. Однажды я его очень долго ждала после съемки — он является, я открываю дверь, уже раскаленная, а он стоит — в канотье, в белом smokingе, нога за ногу, в руке тросточка — и говорит: "Ну, что я говорил? Я в белом, а вы все в говне!"

— Наверное, народная любовь была через край?

— На гастролях иногда просто пройти нельзя было: его узнавали, тут же окружали, наливали. Поэтому мы и не ходили в рестораны обедать — я все готовила в номере, с кипятильником. Однажды даже пришлось отбиваться. В Алма-Ате клюшка, подаренная хоккеистами на память, стояла у дверей номера, и я ею, чуть что, размахивала. Один раз едва не попала по представителю Кунаева, которому тот поручил вручить в подарок Жоре свою книжку. Нас тогда просто достали. Завалили весь номер алма-атинскими яблоками так, что пройти нельзя было.

— Почему же такой человек после смерти Шукшина записал в своем дневнике: "У меня теперь нет друзей"? Что их так связывало?

— Трудно сказать: это как любовь, как восторг. Однажды он пришел и сказал: "Я встретил Челове-

ка". Знакомых было много, но друзей — соратников по духу — не было. Я видела, как они с Василием Макаровичем общались на пароходе, — это выше всего. Они могли молчать вдвоем, один начинал фразу, а другой уже заканчивал. Шукшин удивительно чутко воспринимал Жору. Он его понял — первый и единственный. Понял, что он может очень многое, что он — не просто актер кино и театра. Они вместе начали говорить о новом театральном движении. Жору очень занимало создание своего театра, воспитание актеров. По его записям можно столько учебных навыков сделать, но в наше время они не востребованы. Хотя я думаю, что к ним обязательно вернуться.

— Когда Георгий Иванович ушел к Ефремову в "Современник", Ефремов очень скоро перешел во МХАТ. Бурков был сильно разочарован?

— Олег его тоже за собой во МХАТ позвал. Жора даже написал заявление, три дня там ходил и заявление забрал. Что-то ему не понравилось. Очень смешно потом сказал мне: "Ты не можешь за меня попросить в Театре Станиславского, чтоб меня обратно взяли?" Взяли его с трудом: не хотели простить ухода. Ему в театре приходилось переживать неприятные моменты. Один режиссер использовал метод кнута и пряника: Жора играл в массовке, сидел в оркестровой яме. Такое воспитание: сегодня ты играешь Гамлета, а завтра — сидишь в яме.

— Скажите, а на того же Рязанова у Георгия Ивановича не было обиды?

— Была. Особенно в последнее время, в период картины "О бедном гусаре." Я считаю, что Жора там очень даже симпатично сыграл, но он, конечно, мечтал о роли Леонова. Но у Эльдара Александровича были свои видения. Он Буркова очень любил, но режиссерски представлял его не в крупных ролях. И Жора страшно обижался, что ему дают не те роли. И вот последняя роль, которую Рязанов предложил Жоре, была та, главная. Сценарий ему принесли уже в больницу — он страшно обрадовался, но она так и не состоялась. Потом ее сыграл Валентин Гафт — хромого нищего в "Небесах обетованных".

— Проблемы со здоровьем и раньше преследовали Георгия Ивановича?

— В первый раз он попал в больницу в 1988 году с ишемической болезнью сердца. Тогда он пробыл в Центре Шукшина, страшно перенервничал, и это сказало. По кабинетам он ходить не любил и не умел. Но на здоровье он никогда не жаловался. Даже когда последнее время плохо себя чувствовал — никогда об этом не говорил. Я только догадывалась. У него было несколько микроинфарктов. Один из них он наверняка получил, играя спектакль "Так победим!", когда в ложе сидел Брежнев. У Брежнева сломался слуховой аппарат, он ни слова не слышал и громко задавал вопросы: "А почему все смеются?" Жора весь побелел, подошел поближе к ложе, но ничего не помогло. В последний раз он попал в больницу с переломом бедра, но врачи обнаружили тромб. И так он оттуда и не вышел. Я не разбираюсь в медицине — не знаю, нужно ли было делать ту операцию или не нужно.

— В записных книжках есть строчки о дочке, о том, как переживала она, не поступив в театральный институт. Как сложилась ее судьба?

— Очень трудно. В итоге она поступила на курс Тарханова в Школу-студию МХАТ. Нам говорили: "Вы даже сами не понимаете, что у вас за девочка!" Мне, конечно, было приятно. Но выпустилась она как раз в тот момент, когда артисты были никому не нужны. Получила кое-какие предложения, но Жора сказал: "Маня, не надо идти ни в какой театр. Сиди и жди. Я сейчас сделаю свой центр — будем работать вместе". Но потом его не стало. В 90-м году Маша попала в Театр Станиславского, но судьба ее там никак не сложилась. Да и в личной жизни — тоже. И если есть у меня сейчас боль, то это Маша. В наше время стеснялись иметь покровителя — мужа или отца. А сейчас все изменилось: ей очень не хватает его поддержки. Она так похожа на Жору: сосредоточенная, созерцательная, домашняя, не настырная. И очень хорошая актриса. Она — дочь своего отца, и иногда мне кажется, что это плохо для нашего времени. Так можно очень долго прождать: сейчас же все сами рвутся вперед.

— Мне рассказывали, что у Буркова был какой-то удивительный замысел, который так и остался неосуществленным.

— Да, он мечтал снять кинотрилогию. Первая часть — "Малая халтура" — о театральной жизни в провинции. Вторая часть — "Большая халтура" — это уже театр в Москве. А третья, не связанная ни с чем, — о том, как компартия уходит в подполье и где-то за городом собирает свои съезды. С точки зрения нашего времени, это — практически пророчество: тогда ведь об этом и думать не смели. Жора всегда говорил: "Не бойся — сначала меня посадят в тюрьму, а потом дадут "Оскара".

Катя ПРЯНИК.